

1812 ГОД НА КАВКАЗЕ

А. БАЕВ

Военно-исторический сборник. 1913. №1, 2.

В 1812 г. на Кавказе находилась всего горсточка русских штыков и сабель в 4-5 тысяч человек, которые были призваны охранять едва обозначавшуюся нашу границу с Турцией и Персией; в то же время они принуждены были на всем обширном пространстве от Астраханского губернаторства до вновь включенной многострадальной Грузии поддерживать порядок, безопасность и государственность.

Высокий дух патриотизма наших маленьких, разбросанных по краю, отрядов, который умели пробуждать в них такие герои военачальники, как Цицианов, Лазарев, Карягин, Котляревский и им подобные, позволил с честью выполнить выпавшую на них трудную историческую задачу расширения и упрочения наших владений в Закавказье.

Блестящая победа Котляревского в 1812 г., приведшая к Гюлистанскому миру, решила судьбу Кавказа, ставшая русской провинцией, жемчужиной в короне русских Царей.

Знакомство с событиями двенадцатого года на Кавказе поучительно и в смысле показателя нравственной мощи, проявленной русским народом, не только под стенами первопрестольной, но и на далекой молодой окраине,

только что вступившей под крылья могучаго двуглаваго орла.

Грузия много страдала от набегов извне, но еще более она страдала от внутренних раздоров членов царствующаго семейства и князей. Уже в последние годы жизни Ираклия Грузинское царство существовало только по имени, так как в нем не было ни единой власти, ни порядка, ни правильно действующаго правительственнаго механизма.

11-го января 1798 г. скончался царь Ираклий и на престол вступил сын его Георгий XII, который получил Высочайшую инвеститурную грамоту на престол 18-го апреля 1799 г.; тогда же в Грузию был назначен русский министр-резидент Коваленский. 26-го ноября того же года 17-й Егерский полк с 4-мя орудиями, под начальством генерала Лазарева, торжественно вступил в Тифлис для постоянного пребывания в Грузии.

Георгий XII царствовал всего 2 года; тяжкая болезнь не давала ему возможности улучшить состояние Грузии и, чтобы предотвратить от всяких случайностей судьбу своего царства, он обратился с просьбой к Императору Павлу о принятии Грузии в русское подданство. Наконец, вопрос о судьбе

многострадальной Грузии был решен манифестом 18-го сентября 1801 г., который гласил: «Ни для приращения сил, ни для корысти, ни для расширения пределов и так уже обширнейшей в свете Империи приемлем мы на себя бремя управления царства Грузинского: единое достоинство, единая честь и человечество налагают на нас священный долг, вняв моленную страждущих в отвращение скорбей, – учредить в Грузии правление, которое бы могло утвердить правосудие, личную и имущественную безопасность и дать каждому защиту закона».

Как видно, манифест обещал дать Грузии все то, что она растратила в течение многовековой, героической, но несчастной, взаимноистребляющей истории; вместе с этим Грузия становится русской провинцией единой и нераздельной России.

Безкровное присоединение Грузии облегчило покорение горных племен, так как они были обойдены и отрезаны от родственных мусульманских держав – Турции и Персии. Утверждение России в центре Закавказья естественно привело к необходимости овладения соответствующими берегами Черного и Каспийского морей, как безопасных сообщений с Грузией, так как сухопутный коммуникационный путь, шедший через Моздок – Дарьяльское ущелье, был вечно на весу, подвергался постоянной угрозе со стороны горцев и Закубанских черкес Предкавказья.

Так смотрело на это и русское правительство. В рескрипте на имя генерала Кнорринга говорится: «стараться особенно через хана Бакинского, владеющего устьем Куры и лучшим портом на Каспийском море, достигнуть способов доставлять войскам нашим в Грузии тягости из Астрахани водою, а не трудным путем через Кавказские горы.

Обратите внимание и на коммуникацию, могущую быть с Черным морем через Имеретию по реке Риону или Фазу».

Эти предназначения осуществит преемник генерала Кнорринга «пылкий» князь Цицианов.

II.

Прежде, чем излагать события 12 года на Кавказе, коснемся вкратце характеристики вооруженных сил обеих сторон.

Постоянная Кавказская война открывала широкое поприще для деятельности молодых, способных, предприимчивых офицеров и юнкеров.

Личные примеры Лисаневича, Лазарева, Карягина, Котляревского подготавливали молодых офицеров к тому, к чему не может подготовить никакая военная школа в мирное время.

Нигде офицер, особенно ротный командир, не мог обнаружить так быстро своих военных дарований, как в Закавказье в эпоху водворения нашего владычества, и никогда от офицера, унтер-офицера и солдата не требовалось такой энергии, личной храбрости и политического такта, как во время постоянной борьбы с многочисленными врагами при малочисленности русских войск, разбросанных небольшими частями среди неприязненного, дикаго и дерзкаго народонаселения.

Высокий подъем нравственного духа от начальников и офицеров переносился к унтер-офицерам и рядовым.

Корпус офицеров обыкновенно пополнялся производством юнкеров и унтер-офицеров из дворян за боевые отличия.

Все это создавало в полках дельных начальников, храбрых, доблестных офицеров, мужественных солдат, и в

течение почти всего XIX века кавказская войска являлись разсадником для всей нашей армии талантливых военачальников, чем и восполнялись отчасти дефекты тогдашней школы Красносельского лагеря.

Кавказская войска обладали высокими боевыми качествами. Они, правда, не знали строевого устава 1811-1812 гг., на который сам Ермолов смотрел, как на отжившие положения линейной тактики. Войска выработали умелое сочетание стрелкового боя с атакою в штыки самостоятельно, независимо от регламентов французского боевого порядка.

В действиях против персиян наши войска применяли обыкновенно следующий строй: сомкнутая часть егерей наступали кареями всегда под прикрытием стрелков, которые своим метким огнем подготавливали решительную атаку в штыки; штыковому удару предшествовал орудийный залп.

В действиях против персидской кавалерии в самом начале сражения стрелки занимали малодоступные места и своим огнем подготавливали путь для сомкнутого в каре батальона.

В действиях Котляревского приходится встречать употребление ротных колонн с разсыпанными впереди стрелками, причем фронтальная атака связывалась с действиями на оба фланга.

Вооружение состояло из ружья с кремневым затвором, а с 1808 г. и с примкнутым трехгранным штыком.

Прямой выстрел определен был в 100 сажень. На каждое ружье полагалось иметь 75 патронов; из них по 40 патронов на людях и 35 патронов в обозе.

Несовершенство огнестрельного оружия приводило к решению боя исключительно штыком.

Штатами егерские и мушкетерские полки определялись 3-батальонного со-

става; в каждом батальоне по 4 роты; всего 2.822 офицера и нижних чина, в роте 215 человек. Однако, действительный состав рот и батальонов во весь период персидской войны был значительно ниже штатных норм благодаря командировкам, болезням, смертности и отсутствию правильного комплектования.

Слабую сторону кавказских войск, помимо указанного вечного некомплекта в полках, достигавшего до 20-30%, всегда была хозяйственная часть в смысле обмундирования войск, снаряжения, устройства санитарной части и даже денежного довольствия.

Хотя именным указом 27-го марта 1803 г. был определен штат полкового обоза, но кавказская войска стремились использовать местный обоз, а, главное, завести вьючный обоз с целью придать большую подвижность мелким пехотным отрядам, которым приходилось не раз гоняться за персидской конницей.

В Асландузе войска ходили даже без ранцев и не имели никакого обоза, столь привлекательного для азиатских войск.

Довольствие местными средствами обыкновенно затруднялось бедностью страны, так как народонаселение избегало обзаводиться запасами и вдобавок персияне и горцы обыкновенно опустошали окрестности.

Внутренняя неурядица последних лет существования Грузинского царства совершенно истощили Грузию и нельзя было рассчитывать на местные средства, хотя грузинские цари и обещали продовольствовать наши войска. Приходилось организовать подвоз из России.

Коммуникационный путь шел по Каспийскому морю.

Войска испытывали невероятные затруднения по отсутствию путей со-

общения, в особенности в гористом Карабаге, и перевозочных средств от пристаней по Каспийскому морю.

Дать характеристику вооруженных сил Персии начала прошлого столетия очень трудно. Можно безошибочно сказать, что регулярных организованных войск в европейском смысле в Персии не было и тогда. Были одиночные попытки к созданию регулярных войск при помощи сначала французов, а потом англичан.

R. Quarré de Verneuil в своей статье «Наполеон I и Персия» говорит следующее о вооруженных силах Персии.

В 1807 г. Персия была окружена неприятелями: русские на севере, англичане – на юге, туркмены и афганцы – на востоке.

Фет-Али шах собрал в это тяжелое, критическое время для Персии до 180.000 человек, чтобы быть готовым к грозе; это было беспомощное шумное собрание без связи и дисциплины. Действовала еще феодальная система: шах делал воззвания к губернаторам, которые и снабжали армию людьми, одетыми и вооруженными сообразно с данной местностью. Персы с длинными фитильными ружьями, курды с пиками и щитами, туркмены с луками и стрелами. Каждый губернатор приводил свои банды, одетые и вооруженные на свой лад. Недостаток был полный: не было ни казарм, ни арсеналов, ни магазинов, ни госпиталей.

Шахская конная гвардия, состоявшая из 4.000-5.000 гулямов, имела кое-какую сплоченность. Иррегулярная кавалерия была неспособна ни к какому совместному движению. Она держалась еще парфянской тактики. Каждый всадник сражался сам по себе, выпуская стрелы на скаку или поворачиваясь лицом к неприятелю, чтобы произвести выстрел из ружья. Лошади

были прекрасные, а люди смелые наездники.

Французские офицеры-инструкторы принялись энергично за реорганизации персидских вооруженных сил. Они успели создать несколько батальонов сарбазов, открыли пушечный завод в Испагани, где успели изготовить к концу 1808 г. до 30 пушек. Однако, кратковременность пребывания французских офицеров, а, главное, религиозные предрасудки и природная апатия персов были причинами, что к 1812 г. у персов мы видим лишь зачаток регулярной армии и вся их сила заключалась попрежнему в иррегулярной массе, фанатизме и сочувствии местного мусульманского населения.

В 1810 г. Англия выслала персиянам 20 тысяч ружей, несколько пушек и много офицеров-инструкторов, которые тщательно продолжали дело образования регулярного персидского войска, начатое еще в 1805 г. французами.

Конечно, в несколько лет не создаются регулярная войска, но тем не менее к 1812 г. у Аббас-Мирзы были кое-какие войска, частью из обученных сарбазов, частью сброд плохо вооруженных и организованных.

Подобное состояние вооруженных сил давало свой естественный отпечаток тактике персов, которые, несмотря на свое численное превосходство, не отваживались выходить на равнины, в чистое поле, померяться с русскими, а, по азиатскому обычаю, вели войну, похожую на разбой в большом размере; отбивали скот, уводили оплошных жителей и поспешно скрывались потом за Аракс.

Боевой порядок персов, если к такому приходилось прибегать, был следующий: пехота с артиллерией впереди строилась в одну сильную вогнутую линию, на обоих флангах – конница, за центром – общий резерв.

В своих записках генерал Ермолов говорит, между прочим, что «пища их (сарбазов) состоит из небольшого куска черствого и весьма невкусного хлеба, арбуза, дыни или горсти пшена, сваренного в воде, которое всегда имеют при себе. Сон, к которому они весьма склонны, вероятно, возобновляет силы их после трудов, ибо при самых обыкновенных спят они чрезвычайно много».

Подобная неприхотливость к пище облегчала продовольствие войск, которое сводилось к использованию местных средств посредством грабежей и принуждений.

Дух персидской армии – чрезмерная впечатлительность и склонность к мародерству. Качества, как известно, разлагающая, а не созидаящая армию.

При всех усилиях Аббас-Мирза мог собрать около 30 тысяч бойцов, большая часть которых не была обучена военному делу. При недостаточной выучке и плохом вооружении, армия была совершенно не одушевлена; между тем, народные ополчения могут успешно действовать только при общем энтузиазме народа, заканчивающемся обычно поголовным возманием всего населения и создающем почти непреодолимые трудности для действий регулярной армии.

В самую тяжелую эпоху 1812 г., когда Россия готовилась к решительной борьбе с Наполеоном, обязанности правителя обширного и безпокойного края, на границе которой тянулась все еще персидская война, исполнял генерал Ртищев.

Это был человек в высшей степени нерешительный, не отличавшийся ни выдающимися боевыми заслугами, ни какими либо особыми дарованиями.

На свое назначение Ртищев, по собственному его сознанию, смотрел, как

на бремя, и облегчал его постоянной молитвой.

Чрезмерная мягкость обращения главнокомандующего Ртищева с азиатскими ханами, неумение внешним представительством импонировать впечатлительным умам востока приводили к тому, что мусульманские ханы игнорировали нашу власть и даже самого Ртищева.

Только энергическая деятельность вождей Цициановской школы и в особенности блистательные дарования генерала Котляревского, который разгромом персидской армии Аббас-Мирзы под Асландузом, а затем штурмом Ленкорани, спасли Закавказье от печальных последствий в тяжелые годы Отечественной войны.

Петр Степанович Котляревский, по удачному прозвищу поэта, «Бич Кавказа», сын бедного деревенского священника, поступивший на службу рядовым, с образованием, полученным у сельского дьячка, без всякой протекции на 30 году своей жизни был уже генерал-лейтенантом с Георгиевской звездой 2-го класса.

Семь ран, полученных им в Персидскую войну, свидетельствуют о его личной храбрости, а легендарное отступление в 1805 г. из Карабага, вместе с Карягиным, взятие в 1810 г. крепости Мигри и истребление с одним батальоном 10-тысячного персидского корпуса, штурм в 1811 г. крепости Ахалкалаки, отразившей целую армию Гудовича и взятой им с 2 батальонами Грузинского полка, и, наконец, разгром 40-тысячной персидской армии под Асландузом и венец всей войны штурм Ленкорани в 1812 г. – поставили имя Котляревского на ряду с выдающимися вождями царствования Императора Александра I.

Рано развернулись многосторонние военные дарования Котляревского

и обнаружилась его высоконравственная, богатырская натура.

Служба Котляревского при Лазареве и Карягине в звании шефского адъютанта, ротного и батальонного командиров, при постоянной тревожной политической и военной обстановке боевой жизни в Грузии, в постоянной борьбе с врагами России, внутренними и внешними, обогатила природный ум Котляревского практическими знаниями администратора и начальника.

Он знал войну не по рецептам учебного руководства, а по живым примерам.

С самых малых офицерских чинов и до командира полка ему привелось разрешать тактические задачи с живыми людьми, под свистом неприятельских пуль.

Разделяя с сержантского чина все невзгоды боевой и походной солдатской жизни, он отлично знал потребности солдата, ознакомился на практике с мерой сил и способностей русского человека, и мог понять, что для него нет препятствий непреодолимых, когда умеют направлять его высокие духовные качества к цели с энергией и знанием дела.

Котляревский знал из собственного опыта, что русский солдат в своем повиновении способен доходить, как бы ни была велика опасность, до самой высшей степени самоотвержения, когда в своем командире встречает заботливого и попечительного начальника, когда видит в нем образец храбрости и готовности к самопожертвованию. Своими многочисленными ранами Котляревский доказал офицерам и нижним чинам свою готовность на самопожертвование, на поддержание чести «русского оружия», во славу «любимого отечества».

Котляревский был блестящим метеором, пронесшимся над Кавказом

или, точнее, над севером Персии, осиявшим русских чудо-богатырей своим ослепительно ярким светом и, по воле судьбы, безследно угаснувшим в то время, когда впереди у него была молодая жизнь. Генерал в 29 лет от роду, герой Мигри, Ахалкалак, Асландуза, Ленкорани, человек, к которому ездили впоследствии на поклон и за советом Кавказские наместники, деятель, которого в трудную Кавказскую годину во 2-ю Персидскую войну просил принять на себя бремя проконсульства над Кавказом сам Император Николай Павлович и которого, наконец, воспевал народный поэт:

«Тебя я вспомню, герой,
О, Котляревский, бич Кавказа.
Куда б ни мчался ты грозой,
Твой путь, как черная зараза,
Губил, ничтожил племена».

Таков, в общих чертах, герой первой Русско-персидской войны, который своими действиями в 1812 г. в Карабаге, победой при Асландузе, а затем и штурмом Ленкорани, принудил Персию на Гюлистанский мир, утвердивший за Россией все восточное Закавказье с Талышинским ханством.

От характеристики персидских военачальников с наследным принцем Аббас-Мирзою во главе приходится, по недостатку данных, воздерживаться. Однако, при изложении операции в Карабаге в 1812 г. характеристика персидских военачальников выяснится до известной степени сама собой.

Местность, на которой разыгрались наши военные операции в 1812 г. в Карабаге, сильно пересечена, бездорожна, маловодна, была бедна местными средствами и, благодаря преобладанию мусульманского населения, благоприятствовала партизанским, точнее разбойническим, набегам персов.

Климат – знойный, малярийный – сильно влиял на здоровье и энергию наших солдат. Болезни свирепствовали среди них и ослабляли ряды батальонов до 30%.

III.

Как только Грузия была присоединена, пришлось сразу вести борьбу с четырьмя, пятью врагами.

Первым врагом явилась Персия, которая видела в нашем утверждении в Закавказье естественного сильного соперника в обладании не только Грузией, но и Закавказскими ханствами.

Вторым врагом являлись Закубанские горские племена, висевшие с запада над нашей коммуникационной дорогой в Грузию. С ними приходилось вести, строго говоря, не войну, а борьбу повседневную, мелкую, упорную, то оборонительную, то наступательную. Подобный характер борьбы, но с большим упорством, приходилось вести и в Чечне и Дагестане на левом, восточном фланге.

Со стороны Черного моря постоянной угрозой являлась Турция.

Наконец, в самой Грузии и родственной ей Имеретии, Мингрелии волновались грузинские царевицы, поднимавшие мелкие народцы южного склона Кавказа.

Такова была в общем та сложная политическая обстановка на Кавказе, когда впервые водворялась русская власть в Грузии.

В Русско-персидскую войну царствования Александра Благословенного власть наша в Закавказье распространялась, кроме непосредственно Грузии (Кахетии и Карталинии), еще в Имеретии, Мингрелии и в ханствах Бакинском, Кубинском, Ганжинском, Карабагском, Шекинском и Ширванском.

Однако, власть среди этих областей была еще не тверда и в особенности ханы часто переходили то на сторону персов, то на русскую.

Главнокомандующий в Грузии генерал Торماسов в своих донесениях живо, ярко и верно изображал тогдашнюю роль Персии.

«Соседство Персии, доносил он, само по себе не могло быть для нас опасно: Персия опасна только как орудие Франции, Англии или Порты. Для русских на Кавказе военные действия были очень затруднительны от самой обширности театра войны, на 1.500 верст вдоль цепи гор, между двумя морями. Оборона необходимых для безопасности укреплений побуждала раздроблять войска, а Персия, видя английское золото и не видя от русских достаточно страха, с каждым днем становилась высокомернее в своих требованиях и опаснее по своему влиянию».

Обстановка 1812 г. на Карабагском театре военных действий видна из вынужденного письма генерала Котляревского в «Русский Инвалид» (1831 г. №№ 25 и 26).

«Да вспомнит, пишет он, что действие происходило в 1812 г., когда Наполеон с двенадцатью языками был в России и, по сведениям Аракса достигшим, в Москве, что в Грузии находилось весьма мало войск, рассеянных на обширном пространстве Закавказских владений, и сикурса из России получить не могут. В сие то время персияне, собрав большия силы, успели не только в мусульманских ханствах и татарских дистанциях, соединенных с ними самою религией, взволновать умы в свою пользу, но склонили на свою сторону лезгин и даже в самой Грузии кахетинцев, действуя на них посредством царевича Александра».

Так представлялась современность кавказским деятелям и такова была в действительности политическая обстановка на кавказском театре военных действий в памятный для всей России двенадцатый год.

При описанной обстановке для успеха действий необходимо было увеличить силы на Кавказе, о чем делались представления всеми главнокомандующими Грузии.

Насколько наши силы на Кавказе были малы, можно судить по тому, что весь Карабаг, удобнейший для персиян театр войны, охранялся всего 300 русскими.

Силы кавказской армии перед 1812 г. уменьшились взятием в Россию 3-х полков, несмотря на протест Тормасова, просившего взять его с Кавказа.

На место Тормасова был назначен 16-го февраля 1812 г. малоизвестный до того генерал Ртищев¹⁾.

Так как сил для прикрытия всей нашей границы было недостаточно, а 1812 г. не давал возможности присылки на Кавказ подкреплений, то генералу Ртищеву были даны соответствующие инструкции, а именно – установить добрососедские отношения с Персией, хотя бы только на время борьбы с Наполеоном.

В начале и переговоры шли для нас благоприятно, но ревность к успехам России в Азии побудила вмешаться Англию, которая указывала персиянам на малочисленность наших войск в Закавказье, на происходившая в это время волнения в Грузии, на тайное недоброжелательство к нам населения мусульманских провинций и на готовность Англии, как дружественной державы, поддержать справедливые требова-

¹⁾ В промежуток между отбывшим ген. Тормасовым и прибытием Ртищева, главнокомандующим в Грузии был маркиз Пауллучи.

ния Персии о возвращении ей отнятых нами областей Закавказья.

Англия в это время уже выдавала Персии ежегодную субсидию в 2 миллиона рублей. В счет этой субсидии в конце 1811 г. было доставлено персиянам: 12 орудий, 12 тысяч зарядов и 12 тысяч ружей.

Несмотря на уверения Тегеранского двора в искреннем желании установить с нами мирные сношения, Аббас-Мирза, наследник престола и правитель Азербейджана, сосредоточивал войска к Тавризу, где он сформировал 8 тысяч регулярной пехоты.

Во время переговоров 4-тысячный отряд персидской конницы ворвался в наши пределы, но был 12-го июля разбит ротой 17-го Егерского полка.

Карабаг охранял Котляревский всего с 2-мя тысячами человек, разбросанных на всем пространстве вдоль нашей персидской границы.

«Ни при каких сборах неприятеля, ни при каких усилиях Аббас-Мирзы против отряда, мне вверенного, доносил Котляревский, не прошу и не буду просить добавки сюда пехоты, хотя оной у меня в отряде не так-то много, всего 1.500 человек, но прошу казаков, которые мне необходимы, и тех не получаю».

«Дабы показать искреннюю готовность свою к миру», Ртищев предложил Аббас-Мирзе выбрать с обеих сторон уполномоченных, дабы они выработали главные основания мира.

Однако, переговоры уполномоченных не привели ни к каким результатам.

Тогда генерал Ртищев думал привести переговоры к благоприятному исходу посредством личного свидания с Аббас-Мирзою. С этой целью 21-го августа он отправился с трехтысячным отрядом в Карабаг. Последний был взят для того, чтобы усилить отряд генерал-

майора Котляревского и, «при открытии персиянами военных действий, противопоставить силу главным неприятельским войскам и действовать к славе оружия Его Величества».

9-го сентября ген. Ртищев, присоединив дорогою двухтысячный отряд ген. Котляревского, остановился в урочище Каракепек, в одном переходе от Аракса. Отправив посланного к Аббас-Мирзе с известием о своем прибытии, главнокомандующий просил назначить время и место свидания. Аббас-Мирза, благодаря английским интригам, уклонился от личного свидания и для усыпления Ртищева согласился открыть мирные переговоры уполномоченных в Асландузе.

В то время, когда поверенные переговаривались об условиях мира, 10-тысячный отряд персиян вступил в Талышинское ханство, завладел Ленкоранью и возмутил всех талышинцев, которые примкнули к персиянам.

Персидские уполномоченные предъявили прямо дерзкия требования – «возвращение Грузии и утерянная ранее провинции Закавказья». Подобное требование с их стороны объясняется не только происками англичан, но и некоторыми успехами персиян – занятием Талышинского ханства, удачными набегами Пир-кхули-хана в Шеке и в особенности пленением баталиона Троицкого полка; наконец, до Аббас-Мирзы уже дошли известия о занятии Москвы французами.

Казалось бы, что единственным ответом на вызывающе-дерзкия требования персидских уполномоченных было бы немедленно перейти Аракс, разгромить полчища Аббас-Мирзы и силою добиться большей сговорчивости персиян.

Преувеличенное представление о силах персиян, чрезмерная опасения последствий неудачи, наконец, тревож-

ные сведения из Кахетии, взволнованной вновь царевичем Александром, – все это побуждало Ртищева отказаться от наступательных предприятий за Аракс и обратить войска, приведенные в Карабаг, не против главного врага – персов, а на подавление волнений в Грузии.

После двух заседаний переговоры были прерваны и уполномоченные разъехались.

Напрасно генерал Котляревский уговаривал Ртищева воспользоваться сосредоточенностью наших войск и атаковать Аббас-Мирзу в его лагере, бывшем в 30-ти верстах от Аракса.

Но главнокомандующий не изменил своего решения, так как известия из Кахетии были самыми тревожными. Там снова появился царевич Александр, который взбунтовал население, поднял лезгин и стал высылать отдельные шайки для грабежей в окрестностях Тифлиса.

IV.

1-го октября Главнокомандующий выступил из Каракепека с частью сил в Грузию, предписав Котляревскому «быть во всякое время готовым к отражению и разбитию неприятеля».

Ртищев предугадывал, вероятно, намерение отважного генерала и, расставаясь с ним, сказал:

– Делайте все, что благоразумие ваше велит вам... Одного прошу не делать и запрещаю, зная вашу отвагу и примерное мужество: вы может быть не потерпите, смотря на персиян, собирающихся у Аракса, и вздумаете переправиться в виду целой их армии, а через неудачу от сего, Боже сохрани, и край погибнет.

Трудную задачу приходилось решать генералу Котляревскому.

С уходом Ртищева из Карабага, против 30-ти тысячной армии Аббас-Мирзы остался лишь малочисленный отряд Котляревского, численностью около 2.200 человек, состоявший из следующих частей:

2-х баталионов Грузинского гренадерского полка, 1-го баталиона Севастопольского мушкетерского полка и 1-го баталиона 17-го Егерского полка, 6 сотен казаков и 6 орудий.

У Аббас-Мирзы было за Араксом около 30-ти тысяч, в числе коих 8 тысяч регулярной пехоты (сарбазов) с 12 английскими орудиями. Силы эти к 8-му октября сосредоточились у Асландуза.

Первоначальный план Аббас-Мирзы состоял в том, чтобы, развлекая наши войска на всем протяжении границы, с главными силами обрушиться на малочисленный отряд Котляревского и, раздавив его, пройти через Карабаг и Елисаветполь на соединение с грузинскими мятежниками.

Хану Эриванскому приказано было произвести нападения на наши помбакские и шурагельские посты, а 4-х тысячный отряд Пир-кули-хана послан был в обход Карабага в Шекинское ханство (ныне Нухинский уезд), поднять против нас местное население и затем идти в Кахетию, на соединение с царевичем Александром.

Котляревский зорко следил за каждым движением персиян и немедленно доносил об их намерении в Тифлис. Вместе с тем просил стоявшего на р. Тертере генерал-майора Клодт-фон-Юргенсбурга перейти к дер. Пиразы, у впадения Тертера в Куру, для прикрытия находившихся там кочевников и «дабы удобнее наблюдать за движением неприятеля в Шекинском владении».

Сам Котляревский стоял со своим отрядом в Ах-Оглане, ожидая перехода персиян через Аракс. 11-го октября

одна из персидских партий пыталась отогнать табун казачьих лошадей, но была прогнана. Почти одновременно с этим персияне получили чувствительный отпор в Памбаках и Шурагели, где были в трех местах, у Бекант, Амамлов и в Делижанском ущелье, «побиты и с большим уроном прогнаны».

Вследствие этих неудач, не предвидя большого успеха от вторженья в гористый разоренный Карабаг осенью со всей армией, Аббас-Мирза изменил свой первоначальный план: оставил против Котляревского в виде заслона небольшой отряд, а сам двинулся в Шекинское ханство и Кахетию, в обход Карабага, вслед за Пир-кули-ханом, который один только имел некоторый успех, опередив на переправе через Куру Клодт-фон-Юргенсбурга; он ворвался в Шекинское ханство и производил «в оном страшные грабежи и разорения».

Ртищев, опасаясь, что успехи Пир-кули-хана в Шеки могут пресечь доставление провианта из Баку в Карабаг для довольствия отряда Котляревского, предписал Котляревскому сделать частью своего отряда «диверсии» к стороне Пир-кули-хана и постараться перехватить его на обратной переправе через Куру.

Но в то время, когда еще только писалось это распоряжение главнокомандующего, Котляревский по собственной инициативе уже сделал «диверсии» в сторону, которой никто и никак не мог ожидать.

Имея категорическое приказание главнокомандующаго ни в каком случае на переходить Аракса, Котляревский мог свободно оставаться в Карабаге в строго оборонительном положении. Буква закона была за него.

Но не таков был Котляревский.

Честный гражданин и доблестный воин, он на первый план ставил ясно

понимаемые им интересы отечества и для спасения их, в критическая минуты, действовал самостоятельно, на свой собственный страх, не стесняясь ни подчиненностью, ни риском ответственности.

Видя грозившую нам опасность от движения Аббас-Мирзы со всеми силами вслед за Пир-кули-ханом и не имея никакой надежды убедить главнокомандующего в необходимости перейти к решительному, активному образу действий, Котляревский, по его собственному выражению, «управляемый любовью к отечеству, а не тем, чтобы быть только правым по кабинетным и книжным расчетам, и уверенный в храбрости отряда», решился на необычайное предприятие.

Вопреки категорическому запрещению Ртищева, Котляревский решил перейти с незначительным своим отрядом Аракс, разгромить полчища Аббас-Мирзы и одним ударом разрубить узел, затянувший нас в Закавказье.

На разсвете 10-го октября 1812 года барабанный бой поднял Ах-Огланский лагерь: били легкий поход, что означало спешное выступление без шинелей, с 4-х-дневным запасом сухарей и 40 патронами.

«Братцы, обратился к ним Котляревский. нам должно идти за Аракс и разбить персиян. Их на одного десять, но каждый из вас стоит десяти, а чем более врагов, тем славнее победа. Идем, братцы, и разобьем». Эти немногие, но выразительные слова начальника воодушевили солдат, и они беззаветно, уверенно, весело пошли за ним на баснословный подвиг, долженствовавший завершиться или победой, или поголовной смертью.

Отступление категорически воспрещалось.

Выступая на неравный бой, Котляревский отдал письменное приказание

старшему по себе штаб-офицеру о распоряжениях на случай своей смерти и диспозицию к атаке, изобличавшую всю его опытность в военных действиях с азиатами.

В виду интереса, представляемого приказанием, для характеристики Котляревского, позволю привести его целиком:

«Старшему по мне штаб-офицеру.

Предприняв атаковать персиян за Араксом, я сделал распоряжения, о которых вам известно; в случае смерти моей, вы должны принять команду и исполнить по оным.

Если бы случилось, что первая атака была неудачна, то вы непременно должны атаковать другой раз и разбить, а без того не возвращаться и отнюдь не отступать. Когда неприятель будет разбит, то стараться перевести на сию сторону кочующие близ Аракса народы, потом возвратиться. По исполнении сей экспедиции, вы должны донести о сем прямо главнокомандующему и представить диспозицию мою и приказ, отданный в отряде 18-го октября 1812 года».

Диспозиция точно определяла, как порядок походного движения, так и построение всего отряда, по переходе через Аракс, в 3 каре, передние фасы которых составлялись особым образом «для лучшего напора в штыки». В передних же фасах размещались и орудия. Казацкие полки шли походом в авангарде, а в боевом порядке размещались ближе к правому флангу: один полк – правее первого каре, а другой – между первым и вторым каре.

Предполагая, что персияне будут застигнуты стоящими фронтом к Араксу, Котляревский имел в виду атаковать их одновременно с левого фланга и тыла.

«По приближении к неприятельскому лагерю, говорилось в диспози-

ции, третья кара и рота егерей атакуют левый фланг неприятеля, а первое и второе кара стараются наипоспешнейше пробежать в тылу лагеря неприятеля и атаковать середину, где расположена их пехота и артиллерия; две роты егерей с Майором Дьячковым должны пробежать и мгновенно атаковать палатку шах-заде (Аббас-Мирзы) для чего дается проводник.

Казачьи полки оба выстраиваются в тылу неприятеля там где ударит первое кара, колют и рубят всех бегущих. Атаковать в штыки, как можно быстрее.

Всем приказывается стрелять, как можно меньше, чтобы никто не стрелял вверх и сзади, а когда пойдут в штыки, тогда совсем не стрелять, кроме орудий, и то разве откроются им толпы неприятелей».

Котляревский опасался вмешательства Ртищева, который, по свойственной ему осторожности, мог бы прервать в самом начале отважные замыслы своего «преслушного» подчиненного.

В виду этого Котляревский отправил донесение главнокомандующему о своем выступлении за Аракс не с хорунжим Холодновым, а с каптенармусом, приказав ему не особенно торопиться в дороге. Мера эта была действительно необходима, ибо Ртищев, получив донесение Котляревского, пришел в сильнейшее негодование, но тут же прискакал курьер с известием о *«небывалой в сем краю победе»*, и вместо грозных предписаний на Аракс и жалоб в Петербург из дома главнокомандующего полетели во все церкви Тифлиса приказания служить благодарственный Господу Богу молебен.

Весь успех предстоящего нападения Котляревский основывал на нечаянности нападения, а потому решил напасть ночью, а чтобы обойти персидские караулы, нужно было переправиться че-

рез Аракс в 15 верстах выше лагеря и совершить переход в 70 верст.

Отряд, состоявший из 1.500 человек пехоты, 500 конницы, при 6-ти орудиях, выступил 18-го октября против 30 тысяч персиян, из которых было 8 тысяч регулярного войска.

Ночью с 18-го на 19-е октября отряд начал переправляться через Аракс. Пехота переправилась на крупах казачьих лошадей. Во время переправы артиллерии, одно орудие случайно свалилось с крутого берега в яму. Все усилия вытащить орудие не приводили ни к чему, а между тем время уходило и приближался рассвет.

«Эх братцы, заметил Котляревский, если будем драться хорошо, то и с пятью орудиями побьем персиян и тогда, вернувшись, вытащим его, а если не вернемся, то нам оно и совсем не нужно».

Было уже около 8-ми часов утра, когда Котляревский показался в виду персидского лагеря, стоявшего у Асландуза, на берегу р. Даргут-чая.

Вследствие крайней небрежности сторожевой службы у персов, что подтверждает и персидский историк, говоря: «часовые лагеря до такой степени были охвачены рукою сети безопасности, что ни один из них не дал во время знать об угрожающей опасности», – появление нашего отряда было столь неожиданно, что его сначала приняли за возвращавшихся обратно в лагерь рекогносцировочная персидская партии, накануне высланные к Карабагской границе.

«Вот и хан какой-то идет ко мне», сказал Аббас-Мирза английскому офицеру, в сопровождении которого смотрел с холма ученье своих сарбазов.

Англичанин посмотрел в зрительную трубу и хладнокровно возразил: «это не хан, а Котляревский».

Аббас-Мирза смутился; но, желая скрыть охватившее его волнение, спо-

койно заметил: «поросята сами лезут на нож», и, приказав фальконетной артиллерии открыть огонь по русским войскам, сам поспешил в пехотный лагерь строить боевой порядок.

Положение Котляревского оказалось критическим. Он рассчитывал под покровом ночи приблизиться к лагерю персиян и внезапно их атаковать... Между тем, Котляревский с двумя тысячами человек, среди белого дня, очутился вдруг лицом к лицу с 30-ти тысячной армией Аббас-Мирзы, в числе которой было 8 тысяч регулярной пехоты, множество фальконетов и 12 новейших орудий, руководимых английскими офицерами.

Это – после 70-верстного ночного перехода!

Но тут-то и сказала титаническая мощь духа талантливого вождя и глубокая взаимная вера, спаивавшая его со своими подчиненными в одно несокрушимое целое.

«В сих обстоятельствах, как доносил потом Ртищев, не имея времени принимать других мер против многочисленного неприятеля, кроме последней решительности, храбрый генерал-майор Котляревский пошел тотчас атаковать персидский лагерь, с мужеством в сердце и с надеянием на неодолимую храбрость войск, бывших под его командой».

Отряд Аббас-Мирзы располагался следующим образом. На возвышенности, командовавшей всем лагерем, стояла одна только конница; пехота разместились внизу, в долине левого берега Дараут-чая.

Котляревский, оценив сразу слабую сторону расположения противника, соответственно этому направил и первый свой удар против конницы.

Стремительной атакой в штыки персидская конница была сразу сбита с

возвышенности, и пять наших орудий начали отсюда громить строившуюся внизу неприятельскую пехоту. Русские снаряды один за другим ложились в самую гущу персидских колонн.

Видя невыгодность своего положения и в тоже время не рискуя атаковать с фронта занятую Котляревским возвышенность, Аббас-Мирза повел свои батальоны сарбазов в обход ее, чтобы отрезать наш отряд от Аракса.

Маневр этот мог бы иметь самые решительные последствия.

Но не таков был противник Аббас-Мирзы.

Оставя на горе по одному фасу от каждого кара и артиллерии, Котляревский, «призвав Бога в помощь и оградясь мужеством, свойственным российским войскам», сам перешел в наступление и стремительно ударил в штыки прямо во фланг обходивших его персиян. Грянуло громовое «ура» и началась атака в штыки, столь стремительная, столь ожесточенная, что персияне, объятые паническим страхом, обратились в бегство, падая под ударами, и стали искать спасения (в величайшем разстройстве) за речкой Дараут-чай.

Весь лагерь «со всею персидскою пышностью», 35 фальконетов и множество артиллерийских снарядов достались в руки победителей.

Котляревский не преследовал персиян, вероятно, вследствие сильного утомления войск, совершив, как мы видели, перед этим 70-ти верстный переход. Между тем персияне, бежавшие на правый берег Дараут-чая, собрались у Асландузского укрепления.

В продолжение 19-го октября Аббас-Мирза высылал своих стрелков с конною артиллерией вести перестрелку, а ночью несколько беглых солдат, вернувшись обратно, сообщили Кот-

ляревскому, что Аббас-Мирза разослал приказание всем своим отрядам, разбросанным по границе Карабага, спешить к Асландузу.

Сознавая необходимость не дать противнику оправиться от первого потрясения и добить его ранее, чем он успеет собраться с силами, неутомимый Котляревский решил в ту же ночь переправиться через Дараут-чай и на рассвете неожиданно атаковать персиян в самом их укреплении.

Бывший в плену унтер-офицер брался провести наш отряд с той стороны, где не было у неприятеля пушек.

– На пушки, братец, отвечал Котляревский, на пушки!

И отдал диспозицию для боя.

План ночной атаки был следующий: 7 рот Грузинского гренадерского полка должны были идти «прямо от гор», со стороны Персии, и атаковать лагерь противника правее Асландузского укрепления; баталион егерей обходил к Араксу, чтобы ударить с противоположной стороны; небольшое резервное каре шло вниз по речке Дараут-чай; наконец, казаки были посланы к Араксу для пересечения пути бегущим при разбитии неприятелям.

В ночь на 20-е октября 1812 года Котляревский переправился на правый берег Дараут-чая.

Укрепившись в Асландузе, неприятель был так уверен в своей безопасности, что даже не разставил ни часовых, ни пикетов. Персидский историк говорит: «зрачки счастья их сарбазов находились под влиянием сна».

Русские двинулись к мерцавшим вдали кострам неприятельского лагеря. Безмятежно ютившиеся у бивачных костров персияне лишь тогда заметили наших солдат, когда громовое «ура» грянуло буквально над их головами и никакого спасения уже не было.

Получив приказание не щадить никого, кроме самого Аббас-Мирзы, русские солдаты страшно ожесточились и кололи без сопротивления.

Регулярная пехота персиян, после ничтожного сопротивления, кинулась искать спасения в самом Асландузском укреплении, расположенном на высокой горе, обнесенном палисадами и двумя глубокими рвами.

Котляревский бросился вслед за персиянами на штурм и, по пятам их, мигом овладел укреплением.

Аббас-Мирза едва сам не попал в руки казаков и бежал к Тавризу, в сопровождении не более 20-ти человек.

Разгром персидской армии был полнейший: 3 знамени, в том числе и знамя самого Аббас-Мирзы, 11 английских орудий с надписью «от Короля над Королями – Шаху над Шахами в дар», 36 фальконетов, 537 чел. пленных. Число убитых персиян по реляции показано в 1200 человек.

Разсказывают, что убитых, как это выяснилось на следующий день, в действительности оказалось больше: около 10 тысяч. Адъютант Котляревского предлагал отправить другое донесение в изменение уже посланного раньше, но Котляревский не согласился, заметив: «Напрасно писать – не поверят».

Потери наши были ничтожны: 1 офицер и 27 нижн. чинов убито, 2 офицера и 97 нижн. чинов ранено. Ничтожные потери с нашей стороны объясняются характером персов – «всегда готовых перейти от одушевляемой отваги к оторопевшей робости».

27 октября Ртищев уже читал донесение Котляревского об Асландузской победе, начинавшееся словами: «Бог, «ура» и штыки даровали и здесь победу войскам Всемилостивейшего Государя»...

Двое суток простоял Котляревский у Асландуза и 23 октября возвратился

обратно в Карабаг, где расположился по прежнему у Ах-Оглака.

За Асандуз Котляревский был награжден чином ген.-лейтенанта и орденом св. Георгия 3-й степ. Почти все офицеры отряда получили ордена или чины, а нижние чины по рублю на человека.

Но превыше всех наград для Котляревского было, конечно, сознание подвига, совершенного им на пользу горячо-любимого отечества.

День Асандузской победы он считал впоследствии счастливейшим днем своей жизни, и воспоминания о нем будили всегда чувство благородной гордости в великой душе безкорыстного патриота и безупречного воина-христианина.

Ближайшим следствием Асандузской победы были:

1) Пир-кули-хан, грабивший и волновавший Шекинское ханство, поспешил вернуться за Аракс.

2) Из Карабага и низовьев Куры поспешно бежали в Персию все высланные Аббас-Мирзою туда отряды для разорения страны и возмущения против нас жителей.

3) Военные трофеи: знамена, пушки, занятие Асандузского укрепления.

Асандузская победа распространила спасительный ужас между ханскими и татарскими «дистанциями», уже бывшими готовыми к возмущению.

Она внушила общее на востоке убеждение в непоборимой силе русского орудия, в непризнающей препятствий русской неустрашимости.

Она поставила русское имя на степень должного к нему уважения и тем предохранила край от многих грозящих ему кровопролитий и бедствий.

Наконец, славный Асандузский бой, довершенный вскоре Ленкоранским штурмом, вел за собой долго-

временный мир, при заключении которого мы уже не принимали условия, а предписывали таковыя, как подобает достоинству и могуществу Русской державы.

V.

Разгромом персидских войск на Араксе 19 и 20 октября война еще не кончилась. Котляревский предлагал главнокомандующему сосредоточить значительный отряд в Карабаге и открыть наступательные действия внутрь Персии и тем принудить шаха к заключению мира. Ртищев обещал подумать.

Между тем Кавказ к исходу 12-го года представлял более отрадную картину: чума прекратилась, голод и неурожай сменились изобилием, внутренние смуты утихли, возмущения прекратились; в ханствах Ширванском и Карабагском не было ни одного.

Аббас-Мирза бездействовал. Персияне оставались еще в Талышинском ханстве, которое более 20-ти лет стояло под покровительством России. Слабый русский отряд не мог очистить его от неприятеля.

«При таких обстоятельствах», писал Ртищев Котляревскому 1 декабря 1912 года, «я признал полезнейшим прежде излечить собственную рану, дабы, будучи в полных силах, тем с большей уверенностью можно было напасть на неприятеля... С прибытием подкреплений из Персии, наши малочисленные войска могут подвергнуться опасности или же должны будут оставить эту страну на жертву персиянам, так как по позднему времени флотилия не может долго держаться у Талышинских берегов. Отступление русских войск из Талыша неблагоприятно подействует на силу нашего влияния»...

Предписание заканчивалось знаменательными словами, проливающими взгляд Ртищева на Котляревского: «Личное ваше присутствие при военных действиях в Талышах нахожу тем более нужным для пользы службы Государя Императора, что по точным известиям, изменники Кочнев и Лисенко командуют там неприятельскими войсками и имеют в руках своих Ленкоранскую крепость»...

17 декабря, собрав свой отряд в количестве 1500 человек пехоты, 470 казаков и 6-ти орудий, Котляревский выступил из Ах-Оглана, 18-го переправился через Аракс, 19-го прошел по Муганской степи 80 верст напрямик без дорог, через мертвые солончаки и вязкия топи, не имея ни воды, ни дров, борясь со стужей и метелями, преодолевая трудности, «самое воображение превышающая».

21-го отряд вступил в пределы Талышинского ханства. 22-го на реке Караязе (для прикрытия тыла) Котляревский оставил отряд в 200 человек пехоты, 170 казаков и одно орудие и двинулся (к весьма важной по своему местоположению) крепостце Аркевань.

Крепость была усилена по указаниям английских офицеров и имела гарнизон до 2.000 человек; в их составе было до 400 человек русских дезертиров. «Лишившись, по выражению персидского историка, ног твердости», гарнизон Аркевани покинул укрепление без боя, оставив два орудия и весь артиллерийский запас.

В занятой крепостце Котляревский (для обеспечения тыла) оставляет 100 человек пехоты с одним орудием и, кроме того, вновь усиливает отряд на реке Караязе на 200 чел. пехоты, одно орудие и всей конницей, «по невозможности оной далее действовать».

26 декабря Котляревский подступил к Ленкорани, в ту же ночь обложил крепость и устроил батареи.

Отряд его, за высылкой частей для обеспечения тыла, состоял всего из 1761 человека при трех орудиях¹⁾.

Крепость имела начертание неправильного четырехугольника; наибольшая сторона его, капонирного фронта и длиною в 130 сажений, обращена была на юго-запад, к стороне Персии; северо-восточная, в виде неправильного полигона, в 80 сажений длиною, была обращена к нашим владениям. Две другие стороны: одна юго-восточная, вдоль берега реки, против моря, и другая северо-западная, обращенная к селению Гамушевани, имели каждая по 100 сажений в длину. На углах были возведены батареи бастионного начертания, причем наиболее сильные из них обстреливали подступы к крепости с северной и западной сторон. Остальные фасы прикрывались болотами и рекой. Гарнизон состоял из 4.000 персидских войск.

27-го декабря Котляревский отправил письмо сардарю Садых-хану с предложением сдать крепость для избежания бесполезного кровопролития: «на сие ожидаю ответа через три часа и для того приказал на всех батареях остановиться действовать».

Но мужественный Садых-хан отвечал с достоинством, что долг его защищаться до последней возможности. «Напрасно вы думаете, генерал, писал он Котляревскому, что несчастье, постигшее моего государя, должно служить мне примером. Один Бог располагает судьбою сражения и знает кому

¹⁾ Грузинского гренад. полка – 937 человек, 17-го Егерского – 291 человек, Троицкого полка – 168 человек, Каспийского морского батальона – 318 человек и артиллерийских чинов – 50 человек; а всего 1761 человек.

пошлет свою помощь». После подобного ответа упорный и кровопролитный бой был неизбежен. Открылась канонада. Но она не имела никакого успеха, так как наши ядра, зарываясь глубоко в землю, не причиняли вреда. При малочисленности отряда и отсутствии саперных инструментов нельзя было и думать о траншеях: упорный рукопашный бой был неизбежен.

29-го декабря Котляревский вновь обратился к хану и чиновникам с письмом, убеждая их пощадить себя, жен, детей и имущество, и не упорствовать в бездельной обороне. Но ответа никакого не было.

Положение Котляревского становилось критическим: надежда на добровольную сдачу гарнизона разорялась окончательно, а между тем снаряды приходили к концу, люди сильно терпели от холода, и получилось известие о движении самого Аббас-Мирзы с большими силами на выручку Ленкорани. Оставалось одно из двух: или отступить, или штурмовать.

«Но мне, как русскому, доносил Котляревский, оставалось только победить или умереть, ибо отступить значило бы посрамить честь оружия русского, отдать навсегда в руки персиян Талышинское владение и жертвовать при том потерю людей во время отступления, от чрезвычайного холода и голода, и неприятеля, который по скверным дорогам мог наносить нам сильный вред».

В этих обстоятельствах Котляревский, призвав Бога на помощь, назначил 31-го декабря штурм крепости. Так как приказ и диспозиция по отряду, помимо исторического интереса, еще обрисовывают вполне облик Котляревского и действия отряда, выполнившего все в точности, мы приводим их полностью:

«Приказ в войска, блокирующая крепость Ленкорань, декабря 30 дня 1912 года.

«Истожив все средства принудить неприятеля к сдаче крепости, найдя его к тому непреклонным, не остается более никакого способа покорить крепость сию орудиям российскому, как только силою штурма. Решась приступить к сему последнему средству, даю знать о том войскам и считаю нужным предварить всех офицеров и солдат, *что отступления не будет.* Нам должно или взять крепость, или всем умереть: затем мы сюда присланы. Я предлагал два раза неприятелю о сдаче крепости, но он упорствует; так докажем же ему, храбрые солдаты, *что штыку русскому никто противиться не может:* не такие крепости брали русские, и не у таких неприятелей, как персияне, сии против тех ничего не значат.

Предписывается всем *первое:* послушание; *второе:* помнить, что чем скорее идешь на штурм и чем шибче лезешь на лестницы, тем менее урона взять крепость; опытные солдаты сие знают, а неопытные поверят; *третье:* не бросаться на добычу, под опасением смертной казни, пока совершенно не кончится штурм, ибо прежде конца дела на добыче солдат напрасно убивают.

Диспозиция штурма будет дана особо, а теперь остается мне только сказать, что я уверен в храбрости опытных офицеров и солдат Грузинского гренадерского, 17-го Егерского и Троицкого полков, а малоопытные Каспийского батальона, надеюсь, постараются показать себя в сем деле и заслужить лучшую репутацию, чем доселе между неприятелями и чужими народами имеют; впрочем, ежели бы, сверх всякого ожидания, кто струсил, тот будет наказан, как изменник; и здесь вне гра-

ницы, труса разстреляют или повесят, несмотря на чин».

Диспозиция штурма.

«Составляются три колонны: первая из шести рот Грузинского гренадерского, под командою полковника Ушакова, вторая из 350 человек Троицкого пехотного полка, под командою майора Повалишина; третья из 350 человек Грузинского гренадерского и 17-го Егерского полков, под командою майора Терешкевича. В 5 часов пополудни колонны выступают с назначенных им пунктов, имея впереди стрелков, и следуют к крепости, с крайнею тишиною и скоростью; если неприятель не откроет огня, то стрелки отнюдь не стреляют; когда же от неприятеля будет сильный огонь, то стрелки тотчас бьют по неприятелю, а колонны наипоспешнее ставят лестницы и взбегают на батареи и на стены; первая колонна штурмует батарею и стену к Гямушевану, ставя одну лестницу на батарею, а прочия тотчас от оной вправо; третья колонна берет батарею, лежащую противу моря к речке, и штурмует стену от оной вправо. Каждая колонна, как скоро возьмет назначенную ей батарею, тотчас оборачивает неприятельския орудия и стреляет картечью в середину крепости, между тем очищают стены от себя вправо и влево, а первая колонна отбивает поспешнее ворота, дабы впустить резерв; одна рота Грузинского гренадерского полка разделяется на две части для фальшивых атак; первая делает оную против батареи, к речке лежащей, и ежели возможность будет, то берет сию батарею; другая от батареи неприятельской, назначенной штурмовать; 1-й колонне тревожить неприятеля с левой стороны. Команды сии выступают вместе с колоннами и не тревожат неприятеля, пока не откроется сильный огонь по колоннам, тогда

они поспешнее бегут к назначенным местам, кричат «ура» и бьют тревогу.

Барабанщики в колоннах отнюдь не бьют тревогу, пока не будут люди на стенах, и люди в колоннах не стреляют и не кричат «ура», пока не влезут на стену; когда все батареи и стены будут заняты нами, то в средину крепости без приказанья не ходить, но бить неприятеля только картечью из пушек и ружей. *Не слушать отбоя, его не будет*, пока неприятель совершенно истребится или сдастся; и если, прежде чем все батареи и все стены будут заняты, ударят отбой, то считать оный за обман, такой же, как неприятель сделал в Асландузе, сверх того знать, что наш отбой будут бить три раза, который повторять всем барабанщикам – и тогда уже прекращается дело.

Господам лейтенантам: Франку и Кремлу быть в колонне Терешкевича.

Резервам на прежних батареях состоять из остающихся от штурма людей; так как уже сказано в приказе, что отступления не будет, то остается теперь сказать, что если сверх чаяния которой либо колонны люди замнутя идти на лестницы, то всех будут бить картечью».

В 5 часов утра штурмующия колонны, согласно диспозиции, двинулись на приступ под сильным огнем с крепости. «Все, что только отчаяние в высшей степени и жестокосердые осажденных могли изобрести к погибели штурмовавших войск, как то: пики, рогатки, камни, подсветы и ручные гранаты, было при сем случае с неимоверным ожесточением приведено в действие», как доносил об этом Ртищев. Все попытки взобраться на стены оканчивались массой жертв, поражаемых в упор. В числе первых гибли офицеры, воодушевлявшие солдат. Успех первой колонны Ушакова подвергался

сомнению: сам Ушаков и многие офицеры были убиты, а силы неприятеля росли на стенах. Колонна замялась. В этот критический момент над трупом Ушакова появляется сам Котляревский. Пуля в ногу приветствует его, но он не смутился. Придерживая рукою колено, он, властно указав солдатам рукой на лестницу, громко крикнул: «Сюда» и знакомый звук голоса любимого начальника сразу ободрил смутившихся, и люди снова хлынули к стенам. В это время две пули снова поражают Котляревского. Одна ударяет ему в лицо, обагрывая его кровью, раздробляет ему челюсть; без чувств падает он на грудь тел боевых товарищей.

В это время храбрый майор Абхазов с одной ротой успел взобраться на стену и захватить батарею. Озадаченный неприятель, собравшийся уже торжествовать победу, бросился на роту, чтобы вернуть орудия, но каждая попытка отбивалась картечью из взятых пушек и штыками гренадер. Этим воспользовалась вторая колонна и завладела еще одной батареей и тем облегчила прочим взобраться на стены. Вскоре бой перешел во внутрь крепости. Солдаты, ожесточенные потерей любимых начальников, не давали никому пощады. Сардар Садых-хан с десятью ханами честно смертью завершили упорную защиту крепости.

Видя неминуемую гибель, персияне стали бросаться в речку Ленкоранку, но там все гибли от огня 2-х орудий и роты, производившей демонстративную атаку. Крепость была взята.

Потери неприятеля определились в 3.737 тел, кроме утонувших в реке; 2 знамени, 8 орудий, булава сардаря и множество снарядов были трофеями победы.

Наши потери были весьма значительны: убитых штаб и обер-офицеров

– 16, нижних чинов – 325 человек; раненых офицеров – 25, нижних чинов – 584 человека, т.-е. всего убитых и раненых (из отряда в 1.761 человек) оказалось 950 или 55%, а в 17-м Егерском полку до 75%.

Донося о штурме генералу Ртищеву, Котляревский присовокупил: «Я сам получил три раны и благодарю Бога, благословившего запечатлеть успех дела сего собственной кровью. Впрочем, никакая потеря не может сравниться с важностью взятия крепости – «Ключа к сердцу Персии», как определял ее Аббас-Мирза».

После победы Котляревский был извлечен из под груды трупов со слабыми признаками жизни. Лицо его было совершенно обезображено: правый глаз вытек, верхняя челюсть раздроблена и осколки ее торчали в страшно зияющей ране. Сильный, закаленный организм дал ему возможность, несмотря на тяжесть ран, не оставлять своего отряда и, по устройстве дел в Талышинском ханстве, 29-го января вернуться с ним в Карабаг; откуда он отправился в Тифлис, а затем на минеральные воды.

За взятие Ленкоранской крепости Котляревский на 31-м году жизни получил орден св. Георгия 2-го класса и единовременно 6 тысяч рублей. Всем войскам, бывшим в Талышинской экспедиции, объявлено Высочайшее благоволение, а нижним чинам сверх того пожаловано по одному рублю серебром на человека.

Геройским штурмом Ленкорани закончилась семнадцатилетняя блистательная боевая служба Котляревского.

Тяжкие раны заставили Петра Семеновича Котляревского сойти навсегда с поприща славы, почестей и любимого ратного дела. Остаток жизни, полной страдания и мучений, он провел сначала в Бахмутском уезде, а потом

близ Феодосии, где скончался на 70-м году жизни 21-го октября 1851 года.

С падением Ленкорани персияне очистили Талыши и Аббас-Мирза ушел в Мишкин. Потери персиян за последние два месяца превосходили те, которых понесли они почти с самого начала войны с Россией. Лучшие персидские войска или легли на поле брани или были разстроены так, что не могли быть употреблены для дальнейших действий.

Победы Котляревского отозвались настолько сильно в Персии, что привели к заключению славного для России Гюлистанского мира, по которому к России были присоединены на вечные времена ханства: Карабагское, Ганжинское, Шекинское, Ширванское, Дербентское, Кубинское, Бакинское и Талышинское: при этом весь Дагестан, Грузия с Шурагелю и все земли между вновь поставленной границей и Кавказской линией на севере признаны Персией принадлежащими России; наконец, подтверждалось господство русского военного флота на Каспийском море.

VI.

Перейдем теперь к разбору военных действий Котляревского в Персидскую войну 1812 года, начавшихся Асландузскими боями 19-го и 20-го октября и закончившихся штурмом крепости Ленкорани 31-го декабря 1812 года.

Выясним сначала, насколько бой и штурм отвечали обстановке, т.-е. целесообразности их, и во-вторых, как они были выполнены, т.-е. их планообразность.

На первый вопрос ответим выдержками из возражений самого Котляревского «кабинетным критикам», помещенных в «Русском Инвалиде»¹⁾

¹ «Русский Инвалид» 1835 г., 25 и 26.

спустя почти четверть века после Асландузского боя.

«Были лица, пишет он, которые не в силах будучи отнять ничего у победы, находили пищу предприятие мое атаковать Аббас-Мирзу за Араксом, оцененное достойными и безпристрастными людьми, называть дерзким и не на правилах военной науки основанным. Я мог бы ответить им словами бессмертного Суворова: «Победителя не судят».

Далее, описав обстановку, изложенную выше, Котляревский пишет по поводу второго плана Аббас-Мирзы: «Он мог, оставя против меня 4 или 5 тысяч, с прочими войсками идти вслед за отрядом Пир-кули-хана, развить его частный успех, пройти через Шекинское владение, соединиться с царевичем Александром и лезгинами и вступить в Грузию со стороны Кахетии, а присоединив к себе кахетинцев и грузинских татар, следовать к Тифлису, где генерал Ртищев не имел столько войск, чтобы противостоят сильной громаде врагов внешних и внутренних и удержать за собой большой и неукрепленный город»...

Затем он говорит: «Управляемый любовью к отечеству, а не тем, чтобы быть только правым по кабинетным и книжным расчетам, и уверенным в храбрости отряда, я решился на необычайное предприятие, которым в два удара совершенно уничтожен враг сильный и страшный в тогдашнем положении края... Но, что я знал всю важность предприемлемаго и решился на то не по слепой дерзости, в том может свидетельствовать последнее письмо к генералу Ртищеву, писанное перед выступлением и заключавшееся сими словами: «Сколь не отважным кажется предприятие сие, но польза, честь и слава, отечество того требует и я надеюсь на помощь Бога, всегда поборающего рос-

сийскому оружию, и на храбрость вверенного мне отряда, что если останусь жив, неприятель будет разбит, если же меня убьют, ваше превосходительство найдете распоряжения мои такими, по каким и после смерти обвинять меня не можете».

«После сего надеюсь, что и самые строгие взыскатели, преподающие правила войны в кабинетах своих и забывающие о главном правиле великаго учителя побеждать, никем непобедимаго Суворова, что *военной науке должно учиться на войне*, станут смотреть на решимость мою с настоящей точки зрения, а не косвенно».

Таким образом Котляревский вполне понимал, что уничтожение главных сил противника парализует успехи его второстепенных отрядов, как тому учит современная военная мысль, и что образно выражал Суворов следующими словами: «Бей змея по голове, удачный удар в голову наносит смерть и прочим частям тела, даже не касаясь их».

Кажется этих выдержек вполне достаточно, чтобы признать целесообразность Асландузскаго боя.

Что касается планообразности самага Асландузскаго боя, то и здесь мы должны его признать в умении Котляревскаго быстро приспособляться к обстановке. Основывая успех Асландузскаго предприятия на внезапности, которая складывается, как известно, из быстроты и скрытности, совершает он в течение ночи, как мы видели, 70-ти верстный глубокий обход, но величина обхода и задержка при переправе артиллерии через Аракс нарушили несколько его расчеты на ночное нападение и он очутился к 8 часам утра пред всей 30-ти тысячной персидской армией.

Быстро оценив невыгодное положение персиян, он переходит, как мы видели, к активным, решительным

действиям, т.-е. к штыковой атаке. Бой проходит без осложнений, согласно его указанию, т.-е. разыгрывается планообразно.

Говорить о планообразности ведения боя отряда около 2 тысяч в наше время, время вооруженнаго народа, время миллионных армий, и притом преклоняться перед руководителем и обращать его действия в пример, кажется как то странным. Но мы старались все время излагать события возможно ближе к рассматриваемой эпохе, для чего довольно подробно излагали местами всю обстановку.

Только при этих условиях можно оценить события более или менее справедливо. Но много ли найдется военачальников в нашей миллионной армии, чтобы дерзнуть со значительно большими силами, чем 2 тысячи человек, на то, на что Котляревский решился, как мы видели, для пользы, чести и славы отечества, и притом с колоссальной ответственностью, так как он сознательно нарушил категорическое приказание главнокомандующаго «не переходить Аракса», и казалось бы, как простой начальник одного из пограничных наших отрядов, не ответственный за участь общаго положения в Закавказье, он мог бы ограничиться буквальным исполнением директивы главнокомандующаго или запросить его: «Что прикажете делать?»

Однако Котляревский ни в коллегияльных совещаниях с подчиненными, ни в указаниях высшего начальства, а в собственной ответственности и твердом желании разбить врага искал решения в создавшейся сложной обстановке на берегах Аракса.

Здесь выплывает вечно-юный и спорный вопрос в теории и практике военного дела: «о границах частной инициативы», и о том, как согласовать

ее с дисциплиной, основой военной организации, на которой зиждется крепость и единство действий войск.

Шаг, сделанный Котляревским, сохраняет за собой значение исторического «образца-примера» как надо понимать частную инициативу и где ее границы.

Приходится удивляться, что действия Котляревского в Карабаге в 1812 году не помещены, как примеры, в наши учебники тактики и стратегии. Если вопрос о значении частной инициативы теперь с превращением государств в «вооруженные народы» с миллионными армиями на полях сражений все возрастает, то мы, не дерзая брать на себя смелость его разрешения, позволяем себе скромно заметить: «Чем выше начальник, тем пределы частной инициативы должны возрастать, доходя подчас до прямого, явного и сознательного нарушения приказа даже самого главнокомандующего».

Начальники должны проявлять самостоятельность в действиях, а не в реляциях, рискуя подчас даже проигравшим, так как бои, действия совокупности живых людей не могут поддаваться точному расчету. Еще Наполеон сказал: «Хорош тот план, в котором $\frac{3}{4}$ принадлежит расчету и $\frac{1}{4}$ случайностям», а Фридрих Великий говорил: «Что прикажет Его Величество случай».

Ныне, благодаря огромности полей сражений, массовым армиям, а главное редкости войн, где только и можно учиться военному делу¹⁾, роль случайностей не только не уменьшилась, но можно полагать, что она и возрастает.

Если начальник будет выжидать

¹⁾ В этом отношении колоссальную службу сослужила нашей армии Кавказская война, которая в течение 50 лет была живою школой «ратного» дела для лучших наших генералов XIX века.

вполне благоприятной обстановки, где риск был бы доведен до минимума, то мы можем смело утверждать, что такой начальник неспособен на проявление частной инициативы и, следовательно, присутствие его в армии вредно. Котляревский слишком горел жаждой деятельности и борьбы для того, чтобы уметь отсиживаться: он стремился не выжидать благоприятных обстоятельств, а обращать силу своего военного гения неблагоприятную обстановку в выгодную для себя.

Если бы наш высший командный персонал (которого главным образом, как я понимаю, и касается пресловутый вопрос «частной инициативы», в современных миллионных армиях) в истекшую печальную войну был проникнут духом Котляревского, то вероятно Сандепу и Мукден вызвали бы в нас чувства, аналогичные Асландузу, и мы не были бы свидетелями своеобразного пониманья «частной инициативы» многими старшими начальниками.

Приведенные выдержки из писем и реляций Котляревского вполне убеждают нас в целесообразности и планособразности Асландузского боя и дают ответ на сложный вопрос: как надо понимать самостоятельность частных начальников и где границы «инициативы-почина».

На блестящем фоне Асландузской операции вырисовывается на беглый взгляд один дефект: это отсутствие преследования разбитого, деморализованного, почти уничтоженного противника.

Однако, при ближайшем знакомстве с обстановкой, создавшейся после боя, можно лишь констатировать факт отсутствия преследования, но вина падает, как мы сейчас увидим, не на Котляревского и не на вверенный ему отряд.

Котляревский, с присущей ему широтой стратегического взгляда, ясно сознавал незаконченность Асландузского успеха, но взять на себя преследование еще 20-го октября с малочисленным отрядом, совершившим перед этим 70 вер. ночной переход и выдержавшим двухдневные бои (18-го и 20-го октября), он, конечно, не мог.

Этот шаг был бы риском без всякого расчета, что вовсе не соответствовало духу Котляревского. Правда, Котляревский часто рисковал, но только с расчетом и умом. Котляревскому оставалось одно – вернуться с отрядом за Аракс и поехать в Тифлис убеждать главнокомандующего Ртищева в необходимости развить успех Асландузского боя, послать за Аракс внутрь Персии сильный отряд, дабы свести с нею окончательный расчет.

Но генерал Ртищев, к сожалению, не принадлежал к числу людей, быстро оценивающих обстановку и сразу принимающих соответственное решение, и герою Котляревскому он обещал одно – «подумать».

Таким образом мы не могли не отметить дефекта Асландузской операции, но поставить его в вину генералу Котляревскому мы не имеем никакого нравственного права.

Вследствие предписания главнокомандующего Котляревский принужден был отказаться с наличными силами от целесообразной диверсии против Аббас-Мирзы вглубь Персии и перенести такую в Тальш и штурмовать Ленкорань.

Трудность предстоящей задачи смущала даже всегда отважного Котляревского; так в частном письме к Могилевскому он пишет: «Экспедиция сия меня крайне тревожит. Время сделало ее затруднительною слишком. Теперь уже не диверсия, а освобождение Тальшей. Диверсия тогда могла быть, когда только

еще пошли персияне в Тальшин, а теперь они уже давно занимают и крепости, и укрепления. Прошу Бога о помощи и могу назваться слишком счастливым, если Бог даст окончить счастливо»...

В то время, как в Асландузской операции Котляревский поражает нас быстротой действий, риском, отсутствием заботы об обеспечении тыла, т.е. вернее, он обеспечивает его по Суворовской формуле: «Идешь бить неприятеля, умножай войска, опорожняй посты, снимай коммуникации...», наоборот, в Тальшинской операции наступление ведется методически и обращается особенное внимание на обеспечение тыла, для чего он выделяет не только всех казаков (излишних при штурме), но и $1/3$ пехоты и орудий.

Переходя к выполнению самого штурма крепости Ленкорани, мы должны сначала отметить, что в массе распространен взгляд, что штурмы азиатских крепостей давались нашим войскам легко, с малыми потерями. Это можно объяснить главным образом свежим еще впечатлением падения в 60-70 годах прошлого столетия средне-азиатских крепостей или, как мы видели, оставлением гарнизоном крепостцы, вроде Аркевань, при одном приближении отряда Котляревского¹⁾.

Но при более детальном изучении вопроса мы видим, что крепости Закавказья не только не сдавались с первого раза, но наоборот приходилось против них предпринимать операции по несколько раз; так например: против

¹⁾ О степени морального напряжения наших войск при штурме закавказских крепостей начала XIX века и средне-азиатских, красноречиво говорят следующие цифры:

	Убито		Ранено		Всего %
	офиц.	н.ч.	офиц.	н.ч.	
Ленкорань	16	325	25	584	950 60
Геок-Тепе	4	55	18	236	313

крепости Ахалкалаки действовали гр. Гудович в 1807 году, генерал Тормасов в 1810 году и, наконец, Котляревский в 1811 году взял ее ночным штурмом; против крепости Эривани действовали кн. Цицианов в 1804 году, граф Гудович в 1808 году и, наконец, генерал Паскевич взял ее в 1827 году.

Вот почему Котляревский и обезпечивал так тщательно свой тыл, так как опасался, что операция может затянуться против хорошо укрепленной персиянами в течение нескольких месяцев кр. Ленкорани, да еще под руководством английских офицеров; между тем ближайшая поддержка (несколько рот) находилась от отряда почти за 200 верст, в Шуше.

Котляревский решил безповоротно взять штурмом крепость и отдал свой исторический приказ и диспозицию по отряду, каждое слово которых дышало безповоротной решимостью вождя победить или умереть. В приказе говорилось – «предварить всех офицеров и солдат, что отступления не будет», а в диспозиции – «не слушать отбоя, – его не будет, пока неприятель совершенно истребится или сдастся»...

Вот слова, которые вечно будут сопутствовать «Бичу Кавказа», храброму генералу Котляревскому, которые должны были глубоко запасть в душу каждого солдата и привести его к решимости взять крепость, не смущаясь ни численностью ее гарнизона, ни храбростью ее коменданта и неприступностью ее рвов и стен.

Однако, генерал Котляревский умел их и осуществлять ценою собственной крови. Когда начальник первой колонны, храбрый подполковник Ушаков, был убит и люди замялись во рву, генерал Котляревский бросился к ним с криком «сюда» и – и мигом взвились гранатеры по лестницам на Ленкоранские стены.

Как в этот момент Котляревский напоминает образ «Белаго генерала» в бессмертные плевненские дни, когда он решил бросить на весы военного счастья единственный оставшийся в его распоряжении резерв – самого себя; разница лишь в том, что Котляревский взял крепость и был вынесен обезображенным и изувеченным на всю жизнь, Скобелев же, к сожалению, принужден был отойти.

Личная храбрость в Котляревском была не безшабашная, безразсудная, как это усматривали некоторые современники. Так в «Русском Инвалиде» 1830 года о нем говорилось: «Генерал сей, не хотевший умерить порыва личной храбрости, покрыт был тяжкими ранами...», или «в благородном порыве личной храбрости изранен»...

Вот какая назидательная строка встречаем мы в его письме по этому поводу¹): «Хотя порывы личной храбрости в военном человеке всегда благородны, но в генерале они должны управляться благоразумием. Сказать о генерале: «нехотевший умерить порыва личной храбрости» все равно, как и сказать: неумевший, а сие то же, что неумевший управлять собою и, следовательно, неспособный командовать другими, ибо такой генерал безразсудной храбростью может вовлечь в погибель войска, ему вверенная».

«Я сам получил три раны, пишет он в донесении о Ленкоранском штурме, и благодарю Бога, благословившаго запечатлеть успех дела сего собственною кровью». Вот на каких солидных основаниях базировалась личная храбрость Котляревского.

Но вечно юным, живым будет Котляревский для всех тех, кто интересуется и верит не в одно только могущество

¹) «Русский Инвалид». 1831 г. №№25 и 26.

техники, но и в преобладающее значение нравственных моральных, психических начал в войне-солдате: Котляревский, идущий во главе штурмовых колон на валы Елисаветполя, Ахалкалак и Ленкорани, образец народного героя-военачальника, подобно Суворову под Измаилом или Скобелеву под Плевной, неизгладимо запечатлевался в солдатских сердцах.

Котляревский в совершенстве постиг тайны военной психологии и душу русского солдата в особенности. Он не меньше Суворова умел покорять солдатские сердца простотой обращения, доступностью, теплой лаской и своей глубокой религиозностью. Он знал нужды солдат, так как, подобно Суворову, пробыл несколько лет нижним чином и выше всего ставил заботу о нем, видя в нем человека, а не «серую скотину», хотя бы и «святую».

Товарищ на биваке, на отдыхе, он в деле был суров и требователен. Дружба Котляревского давала не права, а обязанности.

Приказы и обращение его к подчиненным могут служить образцами военного красноречия, по краткости, простоте, ясности, выразительности и понятливости для русского простолюдина.

Каким благородным негодованием дышат строки возражения, помещенные в «Русском Инвалиде» по поводу речи-обращения к отряду перед Асландузским сражением. «Но прежде сражения приписана мне речь, названная краткою, а в самом существе длинная, сказанная будто бы мною на берегах Аракса, которой я никогда не говорил и которая ни мне, ни подчиненным моим не свойственна. Оставляя подробное разбирательство всей речи, скажу: *жалок тот генерал, который прибегает к подобным разглагольствованиям: это*

значит он не постиг духа русского и не умел приобрести доверенности войск».

Действительно обращение Котляревского, приведенное мною в свое время, состояло всего из 4 кратких предложений.

Вот главнейшие завещания Котляревского, которые сохранили всю свежесть и поучительность и для нашего времени, спустя 100 лет, после Асландуза и Ленкорани. Конечно, будет тот детско-наивным, кто вздумал бы в наш век, век пулеметов, скорострельных пушек, аэропланов и т.п., следовать за Котляревским и в области прикладных тактических приемов.

Судьба была немилосердно жестока к Котляревскому. Полученные им тяжкия раны, в особенности Ленкоранския, не позволили ему продолжать службу и последующие 39 лет в страшных физических страданиях он провел в своем имении близ Феодосии.

Славу Котляревского не могли затмить даже величаво-грозныя события 1812 года; боевая репутация Котляревского была настолько громка, что перед войной 1826 года сам Николай Павлович приглашал его рескриптом принять командование войсками против персиян.

«Уверен, писал Государь, что одного имени вашего достаточно будет, чтобы одушевить войска, предводительствуемые вами, устрашить врага, неоднократно вами поражаемого и дерзающего снова нарушить тот мир, которому открыли вы первый путь подвигами вашими»...

Как подданный, как воин, как полководец, как русский, он удостаивался самой лестной, самой высокой награды. Но «живой мертвец», как называл сам себя Котляревский, с болью в сердце должен был отказаться от лестнаго предложения.

С именем Котляревского переданы потомству имена Ахалкалак, Асландуза и Ленкорани, благодаря которым по Гюлистанскому миру Персия уступила нам свои права на ханства: Карабагское, Ганжинское, Шекинское, Ширванское, Дербентское, Кубинское, Бакинское и Талышинское, отказываясь притом от всяких притязаний на Дагестан, Грузию, Имеретию, Мингрелию и Абхазию.

Память о Котляревском должна быть дорога сердцу русского человека и в особенности Кавказской армии; она увековечена в Грузинском гренадерском полку, вечным шефом которого он ныне состоит. С этим полком он одержал самую блестящую победу над персиянами при Асландузе и взял штурмом две сильныя крепости, Ахалкалаки и Ленкорань, и этот полк справедливо носит его имя.

Вот и все, чем почтила Россия одного из лучших своих сынов!

Ныне, когда по Высочайшему повелению была организована особая комиссия по разработке вопросов о чествовании Отечественной войны, когда в разных местах Матушки-России воздвигнуты многочисленные памятники героям 12-го года, уместно вспомнить и о скромном желании Котляревского, выраженном в письме к князю Воронцову в январе 1846 года, «видеть воздвигнутый на главной площади в Тифлисе памятник в виде четырехгранной пирамиды с надписью: «Российским войскам первой персидской войны, начавшейся 1802 года и кончившейся в 1813 году, малым числом принесшим много пользы отечеству», вместо намерения вашего поставить два памятника при Ганже и Ленкорани, хотя оно для меня весьма лестно, так как Ганжею открыта первая персидская война и одна из первых пуль досталась мне, Ленко-

раном заключена война, и три из последних пуль достались мне же, следовательно, и начал и кончил с кровью»...

Мысль эта была поддержана кн. Воронцовым, но после него как то быстро заглохла.

Между тем из позднейших героев наших к Котляревскому ближе всего подходил Скобелев, которому ныне воздвигнут памятник в Москве. Но «Белому генералу» более посчастливилось, чем Котляревскому, и в жизни и после смерти: он стал народным героем.

Котляревский же только как бы герой одной Кавказской армии, хотя он был главнейшим пионером русского дела в Закавказье в тревожные годы Отечественной войны. Но увы, его имя ныне, к нашему стыду, почти ничего не говорит русскому сердцу без пояснений.

Скорейше исполнить скромное желание скромнейшего из скромных, Петра Степановича Котляревского нас должен побуждать долг признательности и справедливости к нему и к горсточке пионеров русского дела на границах «погибельного» Кавказа в исторические годы Отечественной войны, «чьи имена забыты, чьей славе не курят более ни фимиам, ни ладан...!» *«А ведь подвиги во славу отечества должны оцениваться по достоинствам их, а не по частям света, в коих происходили. Кровь русская, пролитая в Азии, на берегах Аракса и Каспия, не менее драгоценна пролитой в Европе, на берегах Москвы и Сены. Пули галлов и персов причиняют одинакия страдания. Не наша воля лишила нас счастья участвовать в священной войне и действовать в защиту отечества внутри онаго; мы исполняли долг служить там где Государю угодно, и, сражаясь в отдаленном краю, на земле персидской, не посрамили земли Русской».*

«Петр Котляревский».

Надо сказать большое, сердечное спасибо биографу Котляревского графу В. Соллогубу¹⁾ и недавно смолкнувшему баяну кавказских войн генералу Потто, которые своими трудами пролили свет на блестящую деятельность од-

¹⁾ Сочинение графа В. Соллогуба – «Биография генерала Котляревского» – послужило основой настоящей статье.

ного из главнейших героев-пионеров, укреплявшего своими победами нашу власть на Кавказе в начале прошлого столетия и которого народный поэт образно воспевал:

«О Котляревский! Вечной славой
Ты озарил Кавказский штык!
Помянем путь его кровавый,
Его полков победный клик!»